

Шах Дани

Шкатулка
для
солнечных
зайчиков

Часть 2

Шах Дани

**Шкатулка для солнечных
зайчиков. Часть 2**

«Издательские решения»

Дани Ш.

Шкатулка для солнечных зайчиков. Часть 2 / Ш. Дани —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854369-2

Инструкция к применению: Шкатулка для солнечных зайчиков обладает широким спектром действия — расширяет кругозор, развивает поэтичность, прививает любовь к книгам. Состав: искры приключенности; крупинки волшебничества; зёрнышки чудесничества. Фармакологическое действие — восхитительное! Содержит 5 ладошек солнечных зайчиков на печатный лист. Побочные эффекты (чудесничество, волшебничество, обострение приключенности) приветствуются. Возрастных ограничений и противопоказаний не имеет.

ISBN 978-5-44-854369-2

© Дани Ш.
© Издательские решения

Содержание

Королевство Сапфировых Лепестков	6
Глава 41. Неудачное превращение	8
Глава 42. Определиться с мечтой	10
Глава 43. Без крыла	13
Глава 44. Песня Мира и мировые планы	17
Королевство Изумрудных Закатов	20
Глава 45. Сомнения о сомнениях по поводу сомнений	22
Глава 46. Болтливый полёт	24
Глава 47. Самое сложное задание	26
Глава 48. Чудесный источник и волшебный челнок	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Шкатулка для солнечных зайчиков

Часть 2

Шах Дани

Иллюстратор Шах Дани

© Шах Дани, 2017

© Шах Дани, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4369-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добро пожаловать в Страну Мерцающих Путей. Если ты читал первую часть Шкатулки для солнечных зайчиков, ты знаком с Камиллой и Барнардом, и помнишь, что наши маленькие герои уже прошли семь королевств из двенадцати, и получили семь ключиков. Что ждёт их впереди? И зачем Летящая звезда Барнарда отправилась с ними в путь?

Королевство Сапфировых Лепестков

В этом Королевстве, которому покровительствовало созвездие Тельца, издревле выращивали звуки и тишину.

Волшебные Цветы (Зеркально-Музыкальные из отряда Высоких Мелодичных) с нежными сапфировыми лепестками покрывали поля с весны до глубокой осени и радовали жителей Королевства. Здесь заботливо ухаживали за посевами, строго следили за тональностью, удаляли фальшивые ноты и проверяли неточные звуки.

Но фальшь можно было отсеять только, если звуки перемежались с вкраплениями тишины. Поэтому цветы пропалывали, а между грядками выращивали, где крошечные, а где более долгие, Паузы.

Когда урожай бывал готов, Звуки тщательно сортировали по чистоте, чередовали в нужном порядке с Паузами, аккуратно упаковывали в нотный стан и рассылали во все уголки Страны Мерцающих Путей, чтобы там тоже могли нежно звучать радуга и рассвет, северное сияние и закат. Цветы и камни, каждая травинка рождали свою музыкальную линию в общей Песне Мира.

Как раз сейчас подошла пора первого весеннего цветения, сезон Ранних Созвучий. Но недавно над Королевством пронёсся ураган. Чёрный град побил все цветы. Были разрушены и Звуки, и паузы, на полях лежали одни осколки. Песня Природы с каждым днём становилась всё тише, и наконец, смолкла.

Ах, как тяжелы были эти немые рассветы и закаты...

Глава 41. Неудачное превращение

Камилла и Бернارد поначалу не заметили, как пересекли границу и вошли в новое королевство. Впрочем, и замечать было нечего – ничто вокруг не изменилось ни на первый взгляд, ни на второй, ни на третий. Лишь чуткий сказочный слух, да Чувство Волшебного могли уловить, что птички больше не заливаются переливчатыми трелями, а в журчании ручейка больше не звенят колокольчики. Даже шелест листьев звучал здесь как-то сухо и вовсе не по лесному – будто ветер гоняет по асфальту мятые газеты. Милые и приятные слуху звуки покинули эту местность.

Задание свитка подтвердило опасения друзей. Вот, каким оно было:

Кто услышит Песнь своей души,
Музыку вернёт лесной глуши

Камилла ещё сильнее загрустила. Как тут можно услышать музыку, когда вокруг лишь скрип да хруст?

– Ничего! – бодро воскликнул медвежонок. – Ты вспомни Второй Закон Мерцающих Путей, тебе это задание по плечу! Ты уже столько чудес сотворила!

– Да какие чудеса, Бернارد? – рассердилась Камилла. – Говорю же, у самого обыкновенного человека, у любого ребёнка получилось бы любое из этих чудес, окажись он на моём месте!

Вдруг у неё над ухом прозвенел голосок:

– Если у самого обыкновенного человека получается чудо, з-з-значит, этот человек сам по себе чудесен...

Голос принадлежал Стрекозе. Она присела на листик дерева перед Камиллой, вздохнула и продолжила:

– Это же так просто и ясно. Ах, под час человеческие сомнения выз-з-ывают сомнения в раз-з-зумности человеческих существ. Не правда ли, коллега? – и она вопросительно уставилась на Бернарда.

– А ну, брысь, вертолёт пучеглазый! – прикрикнул медвежонок.

– Как хотите, – равнодушно откликнулась Стрекоза. – Можете спорить, можете соглашаться, можете грустить, можете веселиться. Главное – определиться. Можете быть птичкой, можете быть рыбкой, хоть совой, хоть китом. Да что я говорю, лучше спою!

И Стрекоза затянула странную стрекозиную песню:

– У Совы глаза премудрые
И мудрёные слова.
У Китов тела огромные,
Хвост-тело-голова!
Если по небу летит Чёрный Кит,
Разбегайся, честный люд! Тут
Скоро будет караул! Гул
Разлетится по земле... Мгле
Места мало будет здесь. Весь
Погрузится Чёрный Кит в мир,
Для своих устроит злой пир.
Лучше пусть летит Сова.
У неё два крыла,

Тело, хвост и голова,
Уши кисточкой, глазки пуговкой.
Речь ведёт премудрую, не робеет,
Решит задачку трудную, одолеет.
Вот такая она, наша Сова.
Это вам не хвосто-тело-голова!

Песенка показалась Камилле очень несурзной. К тому же Стрекоза жутко фальшивила. Да и не Стрекоза это была уже. Пока она пела, тельце её уменьшалось, крылышки укорачивались, глазки съёживались, пока не превратились в маленькие чёрные бусинки, размером с маковое зёрнышко.

– З-з-завертелось! – вскричала не-Стрекоза, закончив песенку. Листик прогнулся под ней, и она покатила вниз, с листика на листик, пока не свалилась на землю. Теперь это была уже вовсе не Стрекоза, а чёрный пузатый жук.

– Что, уже? – суетливо забегал он, вопрошая: – Я стала бабочкой? Да? Правда? Я бабочка? Я превратилась?

– Скорее, вы похожи на жука, – ответила Камилла.

Жук расправил крылышки, взлетел и завис над лужицей.

– Уж-ж-жас! – взвизгнул он, увидев своё отражение. – Уж-ж-жас! Скарабей!

Бернард завертел головой.

– Кого бить? Где?

– Да не скоро бей, тупая твоя башка! А Скарабей! Я, я стал Скарабеем! Я ж-ж-жук-Скарабей! Уж-ж-жас! – с раздражением ответил Жук.

– Но-но, поделикатнее, – посоветовал медвежонок. – А то дожужжишься!

На самом деле он даже не разозлился на Скарабея. Герои, как известно, с малышами не сражаются. Вот гигантский Змей – это другое дело! А тут букашка какая-то...

– Хм, сам с пуговку, а наглет, – беззлобно хмыкнул Бернард и сказал: – И как такой грубиян собирался бабочкой стать? Представляю себе забияку Махаона или Павлиний Глаз. Даже смешно!

Скарабей взмахнул крошечными лапками и запричитал:

– Точно! Я не стал бабочкой, потому что я з-забияка! Но я ж-ж-же мечтал! А вы куда смотрели? Почему не сказали раньше, противные дети? Я ж-ж-же честно мечтал о цветных крылышках и нектаре! И так неудачно превратился, потому что з-забияка, о горе мне, горе!

Камилла спросила:

– Простите, вы превратились из Стрекозы в жука только потому, что мечтали об этом превращении?

– А ты как думала? – рявкнул Скарабей и снова поглядел в лужицу, уже, правда, без отвращения. – А что, панцирь блестит, полёт быстрый. Опять же, царский символ!

Камилла уточнила, несмотря на грубость Скарабея:

– То есть, если я буду думать не как человек, а, скажем, как птица, я что же, превращусь в птицу?

– Теперь уже не знаю, – ответил Жук. – Может, в птицу, а может, в червяка. Всё зависит от мечты, – буркнул он, уже откровенно любуясь своим отражением. – От мечты и от поступков... от поступков и мыслей... от мыслей и мечты...

Он расправил крылья и улетел прочь. Ему предстоял непростой путь. А путь наших героев пролегал через поле Музыкальных Сапфировых Цветов.

Глава 42. Определиться с мечтой

Всё поле зеркально-музыкальных цветов было усеяно осколками. Лёгкий ветерок перетряхивал их, отчего над полем раздавался отвратительный скрежет. Звуки были настолько неприятные, что хотелось заткнуть уши. Это и сделал Трубадур, который шагал через поле. Камилла тоже зажала уши и так они шли, пока не столкнулись.

– Простите! – прокричала Камилла. – Что здесь произошло? Откуда столько битого стекла? Что это за голубые осколки?

Ветер немного стих, и скрежет вокруг почти прекратился. Трубадур нехотя отнял ладони от головы и поведал историю о Зеркально-Музыкальных Цветах и урагане, который разрушил поле.

– Музыкальных... – мечтательно проговорила Камилла, когда он закончил рассказ. – Я как раз должна услышать Песню моей Души.

– Что ж, если ты умеешь слышать музыку...

Бернард легкомысленно выкрикнул из кармашка:

– А чего тут уметь? Слушаешь и всё! Делов-то!

Трубадур удивлённо посмотрел на медвежонка, потом на Камиллу и радостно спросил:

– Вы умеете слышать Музыку Мира? Правда? И Ночную Элегию? И Песню Леса? И Симфонию Океана? Какое счастье! Нынче редко встретишь настоящего слушателя. А как вам Соната Заката, не правда ли, она самая сложная? Хотя, готов поспорить, что Сюита Рассвета гораздо сложнее, хотя и кажется порой ясной и незатейливой.

Девочка и медвежонок переглянулись.

– Признаться, я даже не подозревала, что у заката есть своя музыка, – сказала Камилла. – Я никогда не слышала её.

– Как же вы говорите, что умеете слышать? В таком случае вы ничего не ведаете в Музыкае! – недоумённо воскликнул Трубадур. Бернард возмутился:

– Когда играют, тогда и слышим, а когда не играют, тогда и слышать нечего! Подумаешь! Сюиты мы ваши не слышим, а зато мы уже и летали, и плавали, и вообще, мы только что видели, как Стрекоза превратилась в Скарабея!

– Что же тут удивительного? – не понял Трубадур. – Гусеница рано или поздно тоже превращается в бабочку, обычное дело.

– То бабочка! А то жук!

– Не вижу разницы, – с улыбкой возразил Трубадур. – Принцип тот же. Сидишь себе в коконе, мечтаешь порхать среди цветов, наслаждаться нектаром, и в итоге так наполняешься мечтой, что начинаешь мыслить, как бабочка. А там дело за малым. Ничего сложного. Главное не зариться на чужой нектар, – добавил он веселее, – а то нарастёт нектаровый жир, и получится не бабочка, и не гусеница... а Бусеница.

– Неужели действительно всё дело в мечте? – задумчиво промолвила Камилла.

– А в чём же ещё? – сказал Трубадур, и взгляд его загорелся радостным блеском. – Вот у тебя какая мечта?

Камилла помолчала немного.

– Я мечтала попасть в сказку, и это сбылось, – сказала она задумчиво. – Мечтала о братике, и у меня будет братик. О чём ещё мечтать, я и не знаю, – растерянно закончила она.

– В таком случае, первым делом надо определиться с мечтой, – подняв указательный палец, заявил Трубадур. – Это должно быть что-то очень искреннее и волшебное.

Бернард быстро отреагировал:

– Ой, да мы в два счёта придумаем! Пустяки какие!

Но Камила мягко возразила:

– Нет-нет, Бернард, это вовсе не пустяки. Помнишь, что случилось со Стрекозой? Мне кажется, от мечты очень многое зависит.

Трубадур кивнул и сказал:

– Именно так. Мечта – это и есть Путь.

Ветер снова тряхнул осколки, и они противно заскрежетали. Зажимая уши, чтобы не слышать эти отвратительные звуки, Камила вдруг поняла, какова её новая мечта.

– Я хочу услышать Музыку! – воскликнула она, перебив скрежет и ветер. Она даже подпрыгнула и схватила Трубадура за руку.

– Хочу слышать Музыку Мира! Элегию и симфонию, о которых вы говорили!

Трубадур даже вздрогнул от такого напора.

– погоди, погоди, это самая сложная мечта, – выдохнул он, отступая, – почти невыполнимая в сейчас. Ты же видела, не осталось ни одного целого Сапфирового Цветка, и все Паузы разбиты вдребезги. Может быть, придумаешь что-нибудь другое?

Но Камила не могла выбрать другой мечты. Она и эту не выбирала – просто почувствовала её в своём сердце. Пришлось Трубадуру вести девочку к Правителю Королевства, Менестрелю.

По дороге он тихонько и осторожно, чтобы не впустить ни одну фальшивую ноту, спел такую песенку:

– Ноты-ноты, словно краски в тюбиках,
По отдельности лежат, молчат.
Только лишь под кистью художника
Краски оживут, песней зазвучат.

Скажет вам любой живописец:
Складывая с цветом цвет,
Он лишь чередует краски
С тем пространством, где цветов нет.
А иначе будут пятна грязные,
Неопрятные, чумазо-безобразные.
Точно так же безобразничают ноты,
Если Паузами их не разделить,
И не обозначить нотам их длинноты,
И ключом скрипичным всё не закрепить.
Чтобы звуки были чистыми и ясными,
Между ними Пауза быть должна.
Чтоб мелодия сложилась прекрасная,
Каждой ноте другом будет – Тишина.

Вскоре они приблизились к садовой калитке, из-за которой доносились очень неприятные скрипучие звуки.

– Вы уверены, что здесь мне помогут? – с тревогой спросила девочка.

Трубадур не расслышал. Он зажал уши ладонями и прокричал:

– Даже одна фальшивая нота может испортить мне весь день, неделю, месяц! А тут их на целый год хватит! Я не могу идти туда...

И он бросился прочь, не разжимая рук. Камилла открыла калитку и отправилась в сад сама.

Глава 43. Без крыла

В саду под цветущей вишней стоял Менестрель. Он держал в руках скрипку и смычок и пытался извлечь из инструмента хоть сколько-нибудь музыкальные звуки. Но звуки рождались равнодушные, и сразу плюхались в мир безо всякого уважения и доброты. Нет, это совсем не то, к чему он стремился.

– Не музыка, а кошачий вой! – рассердился Менестрель и бросил смычок.

Он сел за стол и принялся что-то быстро чёркать на разлинованной тетради. Но, записав строку, комкал листок и принимался за новый, а вскоре выбрасывал и его. Смяв несколько листов, он поднял голову к небу и проговорил:

– Наверное, я перестал быть поэтом. Скрипка в моих руках больше не поёт, она скрежещет, как ржавая пила.

В этот миг прозвучал давно забытый вопрос:

– Простите, вы не подскажете, как услышать Песнь Души?

Менестрель обернулся с удивлением. Давненько он не слышал этих слов, а ведь раньше именно к нему жители королевства приходили за Песней Души. Каждый впервые смотрелся в Волшебное Зеркало Афродиты в годик, затем в три годика, и наконец, в семь лет. А уж после можно было приходиться, когда сам того пожелаешь. Зеркало Афродиты очищало Песнь Души, если та вдруг засорится фальшивыми звуками. Душа распускалась, как цветок, а отражение в зеркале расцветало в прямом смысле – оно наливалось красками.

Сколько мелодий слышал Менестрель за свою жизнь! У каждой души своя партитура. У кого-то сложная, с резкими перепадами, полная взлётов и смелых поворотов, у кого-то робкая и кроткая. У одних она ясная и верная на протяжении всей жизни, у других – изменчивая и игривая. К преклонным годам Песнь Души обычно становится густой и насыщенной. Особенно зеркало Афродиты любило проявлять звуки влюблённых сердец и полных удивления и восторга душ младенцев.

Но в последнее время мелодия с её текучестью и переливами перестала очаровывать людей. Ей на смену пришёл Ритм: бум, бум, бум, бац, бац, бац... словно тысячи дятлов остервенело уничтожают клювами-молоточками целый лес. Люди пребывали в мареве стука и скрежета.

Постепенно из душ выхолащивались нота за нотой. Оставались лишь хрипы да тугие басы – поддерживать ритм, да и только. Менестрель уже и не помнил, когда к нему последний раз приходили за сокровенной Музыкой Души. Лишь иногда заглядывали туристы из любопытства. Но от их суетных мотивов и праздности бедное Зеркало засорилось, и больше совсем не пело.

А у этой девочки, пожалуй, душа певучая, подумал он, поглядев на Камиллу.

– Услышать Песнь Души, – задумчиво повторил Менестрель и признался: – Не так-то это просто. Вот голубка пьёт воду из чашки, – он показал на белую птичку, которая отпила из фарфоровой чашечки, вытянула шею, и проворковала.

– Слышишь? – спросил он, вытянув шею. – Слышишь?

– Да, – с готовностью ответила Камилла. – Голубка очень нежно воркует.

Менестрель недовольно глянул на неё и сказал:

– Да не голубка. Вода! Чувствуешь, как изменилась мелодия воды в чашечке?

Камилла с Бернрадом растерянно переглянулись. Стук капель в подземелье ещё был на что-то похож, но неподвижная вода в чашечке...

Менестрель поднялся с места.

– Так, понятно. Дело непростое. Как Песнь твоей Души звучала в прошлый раз?

– Не знаю, – ответила Камилла, пожав плечами. – Я никогда не слышала её.

– Ах вот оно что! Ты не из нашего Королевства? – удивился Менестрель.

– Нет, не из вашего. Я мечтала попасть в сказку и попала сюда. А теперь я узнала, что у природы есть своя Музыка, и я мечтаю услышать её. Это стало моей новой Заветной Мечтой!

– Да, тут особенное дело, – сказал Менестрель. Ему очень хотелось помочь девочке. – Услышать Песнь Души может каждый, лишь глянув в зеркало Афродиты. Но оно болеет, а излечить его сможет только тот, кто слышал музыку Космоса. Так гласит легенда. Правда, у нас не было возможности убедиться в истинности этого предсказания, никто из жителей Страны Мерцающих Путей не бывал в Космосе.

– Мы там были! – вскричал Бернад. – Когда летели сюда!

Менестрель обрадовался, а Камилла погрузилась.

– Я не слышала там никакой Музыки, Бернад – сказала она. – Значит, от меня мало проку.

– Неважно, слышала ты Музыку или нет, – успокоил её Менестрель. – Она всё равно звучала вокруг и непременно оставила в твоём сердце отклик! Это Восьмой Закон Мерцающих Путей: Музыка звучит всегда, но мы не всегда умеем её услышать.

– А если у моей души нет Песни? – продолжала сомневаться Камилла.

– Не бывает безмолвных душ! – вскричал Менестрель, протестующее замахав руками. – Есть фальшивые, лживые, недобрые, будь они неладны! Одни скрипят, другие пиликают, но безмолвных душ не бывает!

Камилла всё ещё стояла в задумчивости. Задание было для неё каким-то уж очень непонятным. Менестрель наклонился и сказал:

– Всё очень просто. Либо ты позволяешь Волшебному Зеркалу отыскать в закоулках твоего сердца след Космической Симфонии, либо всё так и останется: ты – без Песни; Зеркало Афродиты – без Мелодии; а Мир – без Музыки... как бабочка без крыла.

– Давайте ваше зеркало! – решила Камилла, рубанув по воздуху ладошкой.

Менестрель подвёл её к большому мольберту, на котором стояла овальная рама, укрытая холстом. Он поставил девочку перед мольбертом, а сам аккуратно снял холст. Открылось бледное зеркало в деревянной оправе.

Камилла увидела в нём бесцветное отражение деревьев, неба, травы. Она увидела Бернарда, почему-то парящего в воздухе, и птиц, летающих в небе. Но вот своего собственного отражения она не увидела вовсе. Вместо зеркальной Камиллы в зеркале дрожал лишь прозрачный контур. Медвежонок испуганно вскричал:

– Ты что, стала вампиром?!

Менестрель приложил палец к губам и потребовал:

– Т-с-с-с, не мешай ей. Зеркало не отразит человека, пока не услышит музыку в его сердце...

Бернард послушно умолк, а Камилла закрыла глаза и попыталась вспомнить.

Она попыталась вспомнить, как чудесные санки несли её по тёмной бесконечности. Вот мимо пронесли сияющие облака звёздных галактик. Вот мерцающая пелена Млечного Пути. А вот крупная звезда пролетела мимо, обогревая горячим дыханием. Камилле вдруг показалось, нет-нет, не показалось, она услышала, как звёздочки едва слышно перезваниваются. Ей даже почудилось, что она понимает, о чём напевно переговариваются две звёздочки и Млечный Путь. В переводе со звёздной азбуки Морзе их слова звучат так:

– Видишь, милая, звёздный след?

Он плывёт за мной тысячи лет.

Это огненный хвостик мой

Вьётся, мчится, дрожит струной.

Звуки тихо, еле слышно извлекает,

В плед ночного неба
Нить свою вплетает,
В каждом добром сердце
Отклик оставляет.

– И моя тропа, подружка, за тобой
Строчку ровную ведёт в край родной.
Но пока свою галактику отыщу,
Эту песенку пою и блещу.
Звуки тихо, еле слышно извлекаю,
В плед ночного неба
Нить свою вплетаю,
В каждом добром сердце
Отклик оставляю.

– А моя судьба, друзья, недвижимым быть,
Одеяло ночи пополам делить.
Покрывало звёздное расправляю,
В лунном море звёздочки я купаю.
Звуки я неспешно извлекаю,
В плед ночного неба
Ручейки вплетаю,
В каждом добром сердце
отклик оставляю.

Так пели хрустальными голосами крошечные звёздочки Млечного Пути, вторя другим звёздам и кометам.

Когда Камилла открыла глаза, она увидела в зеркале своё отражение, только оно всё ещё было почти прозрачным, а лес по-прежнему отражался серым. Но Музыка постепенно просачивалась в прозрачную реальность Зеркала Афродиты, и, наконец, оно смело и громко запело упоительную Песню Космоса, а отражение вокруг Камиллы стало наливаться сочными яркими красками.

Глава 44. Песня Мира и мировые планы

Музыка продолжала звучать, очаровывая Страну Мерцающих Путьей. Менестрель взял смычок, поднял скрипку, и на этот раз она зазвучала так дивно, что вишнёвые деревья в саду покрылись цветами.

А затем волшебные звуки слились с Мелодией Зеркала и понеслись по Миру. Они несли за собой тихие отклики о встрече с ручьём и ветром, облаком и гладкими камушками на морском берегу. То плавные и нежные, то сильные и стремительные, эти отклики собирались в лесное, горное, морское эхо. Словно сама Природа объединялась в дружный оркестр.

Теперь в зеркале отражался цветущий сад, а отражение Камиллы обрело реальные черты. Но вот зазвучала нежная флейта, к ней присоединилась настойчивая арфа, вступил мечтательный вибрафон. Затем запели струны скрипок, зазвенели серебряные и хрустальные колокольчики, загудел весёлый рожок. А когда вступило гордое фортепьяно, звучание вылилось в новую музыку.

Никогда прежде Камилла не слышала её, но звуки казались такими родными, будто родились с ней в один миг, и всю жизнь находились рядом. Музыка была одновременно и весёлая, и грустная, но чаще ласковая и даже озорная. Ах, как отрадно было слышать её!

– Так вот, как поёт твоя душа, – молвил Менестрель, внимая прекрасным звукам.

Камилла обомлела. Песнь её Души плыла над садом, обнимая цветущие вишни и подпевая проснувшимся соловьям. Теперь отражение в зеркале было ярким, красочным и таким живым, что казалось, протяни Камилла руку, и сможет обнять себя зеркальную.

Дзынь! – сапфировый ключик сверкнул над дорогой, которая проступила через изумрудную траву.

Теперь уже радостно, вприпрыжку, Камилла продолжила свой путь, попрощавшись с Менестрелем и поблагодарив его за то, что помог узнать, как звучит её душа. А в воздухе разливался Гимн Королевства. Вот, какие слова были в нём:

Петь или же не петь? Конечно, петь!
Звучать иль не звучать? Звучать, конечно!
Звучать напевно, тонко, нежно,
С душою музыку встречать,
Душою слушать, и молчать.
Молчать и слушать,
И прилежно
Писать в тетради
«си-бемоль», «ля-си» и «фа»,
И «до». Неспешно
Записывать, чтобы напеть потом,
Когда в Ночи умолкнут трели,
Когда в Безмолвие кнутом
Загонит Сон леса,
И отзвонят капли...
На клавиши легко опустишь руки,
Иль тронешь струны – Мира звуки
Вновь оживут в сердцах людей,
Мрак ночи делая светлей!

– Вот видишь... какая ты... необыкновенная! – весело выкрикивал Бернад, подсакивая в кармашке в такт камиллиным прыжкам.

– Ой, не перехвали меня, – отвечала она, кокетливо качая головой.

С земли вдруг послышался дребезжащий голос:

– С дороги, бездельники!

Камилла остановилась и глянула под ноги. Старый знакомый, Жук-Скарабей, перебирался через тропинку, стоя вниз головой и толкая задними лапками большущий навозный шарик.

– Какой только чепухой ни забивают себе голову, лишь бы не работать, – ворчал Жук. – Это сколько же я пищи заготовил бы, будь я такого роста, – сказал он одновременно с завистью и осуждением.

Бернард весело напомнил:

– А как же насчёт нектара? Что? Передумали?

Жук перевернулся, став вверх головой, выпустил крылышки и молниеносно взлетел к медвежонку.

– Я не отказываюсь от своей мечты! Ясно?! Да, я пока что веду жизнь Скарабея... и ем скарабейскую пищу, но это ничего не значит, – он взлетел выше и завис перед лицом Камиллы. – Это временно! Ясно? Всего лишь образ жизни! Он не мешает мне мечтать. Я могу начать превращаться, когда захочу, и сразу стану бабочкой... если только сам того пожелаю. Сам! Ясно?!

– Да-да, конечно, – поспешила согласиться Камилла.

– Я слышу нотки недоверия, – подозрительно фыркнул жук, прищуриив глазки-бусинки. – Да что вы понимаете? Были бы вы скарабеями, обзавидовались бы! Вы же ничего не знаете о прелестях скарабейской жизни!

– Правду говоря, так и есть, не знаем, ничего, – охотно призналась Камилла и, как можно деликатнее, добавила: – Но всё же... навозный шарик вместо нектара?

– А ты его пробовала? Ты его ела? – взвился Жук.

Само собой, ответ был отрицательный.

– Ага, вот видишь! – вскричал Жук и бросился вниз к своему шарик, продолжая ворчать. – Да ты знаешь, какая у меня насыщенная жизнь, знаешь? Борьба, конкуренция, обнаружение и захват лучшей добычи! Обойти завистников, докатить пищу до своего жилища, вступить в схватку, если понадобится, и победить! Будь вы скарабеи, лопнули бы от зависти!

Он кувыркнулся в воздухе, приземлился вниз головой и упёрся задними лапками в шарик. Продолжив катить его, он сердито говорил:

– А что ваши бабочки? Легкомысленные создания. Хочешь поесть – любой цветок к твоим услугам. Никто не мешает, все милые, услужливые, радушные как сироп, тьфу! А еды в итоге всего-то капелюшечка нектару. Каково это, а? Да бабочке всё поле надо облететь, чтобы насытиться до отвала. Тоже мне, бочка-бабочка. А тут... а у меня! – он любовно обхватил шарик лапками. – А у меня целый склад! Э-э-эх! Да разве вам оценить эту глыбу?

– Может быть, вам помочь? – вежливо предложила Камилла.

Она даже взяла прутик, чтобы подтолкнуть шарик. Жук завопил:

– Не трожь! Мой шарик! Мой! Проворно перекатывая добычу, Жук скрылся в густой траве, но его ворчание ещё слышалось оттуда.

– Жалкие нескарабейские умишки... Копшатся в своей жалкой нескарабейской жизни... Соберу коллекцию лучших шариков, обзавидуются...

– Да ну его! – сказал Бернад. – Давай лучше посмотрим, что там у нас дальше по плану.

Камилла открыла свиток и прочла:

Кто опять свою дорогу обретёт,
Тот цветам благоухание вернёт
Кто опять свою дорогу обретёт,
Тот цветам благоухание вернёт

– Ну вот, я же говорила, – потухшим голосом сказала она. – Это не мой Путь. Я что-то сделала не так, и иду по чужому Пути. Ах, я чувствовала.

Бернард запротестовал:

– Чепуха! Разве ты получила бы столько ключей, если бы что-то сделала не так? А скольким Королевствам ты помогла!

– Я, конечно, кое-что смогла сделать, но...

– Кое-что? Ты очень даже много, чего сделала! И продолжаешь свой путь.

– Но, понимаешь, вот Скарабей... – попробовала объяснить Камилла, – он ведь тоже считает, что многого добился, и тоже продолжает своей путь. Но разве он прав?

– Сравнила! Он по натуре Жук!

– Почему же тогда в свитке написаны такие слова?

На этот вопрос ответа у медвежонка не было. И откуда ей было знать, что благодаря её усилиям в центре Страны Мерцающих Путей прекрасный цветок распустил ещё один лепесток – второй из трёх лепестков оживающей и благодарной Стихии Земли.

Королевство Изумрудных Закатов

В этом Королевстве ветер чувствовал себя особенно вольготно. Он то беспардонно вносил разные истории со всего света, то безответственно выметал их, унося куда попало. Если бы не поразительное чутьё местных жителей на всякие новости, и их умение управляться с любой информацией, они были бы завалены словесным мусором по самую макушку.

Жители Королевства парили в вышине на небольших дельтапланах, проворно отлавливали сачками басни, на лету подхватывали сетями огромные рассказы о важных событиях и ловко цепляли на удочки маленькие незначительные сплетни, кривотолки и пересуды, чтобы те не путались под ногами и не мешали работать.

Затем из улова отбирали крупные события – для серьёзных газет. Маленькие весточки отсылали небольшим журналам, а сплетни и байки отправляли на слово-дробильный комбинат, где их перемалывали в буквы и знаки препинания. Если знаки и после сортировки продолжали препинаться, их подвергали специальной обработке по программе усиленной грамотности. Клеветы и поклёпа до недавнего времени здесь вовсе не видывали, но если уж попадались, то этот сорт макулатуры подвергался немедленному уничтожению.

Однако с некоторых пор то ли чутьё стало отказывать жителям Королевства, то ли с новостями что-то произошло, а может быть, всему виной прогремевший недавно ураган, но приходится признать, что в последнее время самые правдивые и достоверные новости до такой степени перемешались со сплетнями, пустой болтовнёй и откровенной дезинформацией, что уже невозможно было разобрать, где правда, а где ложь. С этого времени все цветы в Королевстве потеряли свой удивительный дар – они утратили ароматы. И больше не пахли. Ничем. Зато какой смрад источала клевета! Небесные покровители Королевства – созвездие Близнецов – ужасно горевало по этому поводу, но вмешиваться не имело права.

Глава 45. Сомнения о сомнениях по поводу сомнений

Граница Королевства Изумрудных Закатов была обозначена высокими расписными колоннами. Они высились по обеим сторонам дороги. В небе беззаботно носились ласточки, мелодия дороги звучала восхитительно, можно даже сказать, подозрительно хорошо. Но Камилла ничего не замечала, и ничто её сейчас не радовало.

– И как я могла поверить, что это Мой Путь так чудесно звучит? – чуть не плакала бедняжка. – И где же тогда мой собственный Путь? И как мне вернуться на него? Где его найти?

Бернард исчерпал все средства для утешения, но тут им навстречу из-за левой колонны вышел Грифон.

– Чтобы найти Свой Путь, нужно сперва понять, кто ты, – важно сказал он Камилле.

Из-за правой колонны вышел гордый Сфинкс и посоветовал:

– А чтобы понять, кто ты, следует осознать Свой Путь.

– Ну вот, – с досадой проговорила девочка. – Теперь всё стало ещё запутаннее.

– О, так мы лучшие мастера решать головоломки! – заверил Грифон.

– Да-да, – с готовностью подтвердил Сфинкс. – Для начала соберём впечатления, ощущения, воспоминания. К примеру, какой был самый необычный момент в твоём путешествии? Не думай долго! Говори первое, что придёт в голову!

– Полёт! – выпалила девочка.

– Полёт? На дельтаплане? Что же в этом необычного? – спросил Сфинкс. – У нас все так носятся.

– Нет-нет, на крыльях! На моих собственных крыльях! – сказала Камилла, повеселев. – Я летала, как бабочка!

– Да-да, и я! – поддакнул Бернард. – Я тоже летал!

Грифон строго оглядел маленьких друзей и холодно спросил Камиллу:

– Так ты девочка или бабочка?

– Ну какая же я бабочка? – рассмеялась она. – У меня и крылышек больше нет.

– Ясно, – кивнул Грифон. – Ты бабочка, потерявшая крылья.

– Да нет же! – возразила Камилла. – Я обычная девочка.

– Понимаю, – сказал Грифон. – Ты девочка, которая думает, что была бабочкой.

Сфинкс сказал:

– погоди, этак она ещё больше запутается. Вот смотри, как надо, – и он обратился к Камилле: – Вероятнее всего, милое дитя, ты думаешь, что ты бабочка, которая думает, что стала девочкой. Так?

– Нет, нет и нет! – рассердилась Камилла. – Вы оба не правы! И... мне уже кажется, что и я не права!

Грифон сказал:

– Дело ясное, надо лететь к Близнецам. Они лучшие специалисты по таким головоломкам.

Он предоставил Камилле свою спину, и вот девочка с медвежонком вновь летели высоко над Страной Мерцающих Путей. Воздух вокруг наполнился гулом, в котором смешивались шум ветра, свист пролетающих дельтапланов и голоса газетчиков, репортёров и почтальонов, которые то и дело проносились мимо.

Именно жители Королевства Изумрудных Закатов управляют прессой и распоряжаются доставкой почты по всей Сказочной Стране. Они в совершенстве владеют искусством создания гармоничных письменных посланий. Это ведь совсем не просто – чтобы письмо было не только грамотным и красивым, но и несло в себе сердечное тепло и дружеское участие. Каждый почтальон имеет собственный транспорт – маленький дельтапланчик, быстрый как ласточка, и неуловимый как ветер. В сумке у него лежат бумажные конверты с аккуратно наклеенными марками и сургучными печатями. На марках обычно изображён какой-нибудь символ одного из двенадцати Королевств.

К слову сказать, вскоре после путешествия наших друзей почтовые службы волшебной страны выпустили специальную серию марок. Она посвящена славным подвигам и невероятным приключениям Камиллы Храброй и Бернарда Отважного.

Глава 46. Болтливый полёт

Грифон летел высоко-высоко над землёй, а пролетавшие рядом газетчики пытались спросить Камиллу. Но Грифон, завидев очередного назойливого репортёра поднимался ещё выше, и газетчика уносило ветром. Так что до Камиллы доносилось только:

– Где вы побыва... Откуда путеше... Что слышно в Короле... Как вам понра...

Всё же один ловкий почтальон умудрился схватиться за хвост Грифона и некоторое время летел рядом. Он успел задать несколько вопросов путешественникам.

– Как вам нравится в нашем Королевстве?!

– Спасибо, у вас замечательно! – отвечала Камилла, перекрикивая ветер. – Очень нежные цветы, они так чудесно звучат!

– Звучат? Цветы? – переспросил почтальон, не понимая.

– Конечно! У цвета есть своя Музыка, и у цветка, – пояснила Камилла. – А у Музыки есть свои цвета.

– Да-да, – кивнул почтальон и прислушался. – Что-то звякает!

– Нет-нет, не звякает, а звучит, – возразила Камилла. – Звучит напевно, тихо, нежно... разве вы не слышите?

Почтальон прислушался, Камилла с Бернардом тоже. Но, увы, музыка, которую девочка совсем недавно так явственно различала, сейчас тонула в гомоне голосов и рассыпалась под свистом ветра. Обрывки фраз беспорядочно и суетливо кружили в воздухе.

– Слухи, вести, истории, всё, что угодно! – крикнул почтальон. – Разговоры и разговоры! Очень важные, и не очень важные, иногда очень неважные. Правда, которую принимают за ложь, и ложь, которую принимают за правду. Как тут музыку расслышишь? Я только одну песенку и помню. Спеть?

Не дожидаясь ответа, он затыкнул во всё горло:

– В медный жертвенник
Насыплем горсть земли,
Чтоб цветы родные запахи нашли.
И добавим маргаритки, что растут
Под ногами у дороги, прямо тут.
Под котёл в огонь мы вытряхнем испуг
И иллюзию великих заслуг.
В воду мелко покрошим
Маки, лютики, жасмин.
А потом сюда же
Вытряхнем сомнения
И ошибочные ложные решения.
Смело бросим сожаленья
В растолчённые коренья.
Помешаем,
Помешаем,
И ещё раз
Помешаем,
Вскипятим,
Прокалим,
Через сито
Процедим

И в серебряном бокале аккуратно подадим.
Это чудный-пречудный напиток!
Сделай его, сразу поймёшь,
Правда вокруг тебя или ложь,
И как развеять туман,
И как рассеять обман,
И куда за правдой идти,
И как больше не запутаться в пути,
Не пропасть, не заблудиться, а дойти!

– Эта песенка как раз для меня, – решила Камилла. – Кстати, если у музыки есть свои цвета, то, наверное, можно почувствовать и её аромат.

– Сенсация, сенсация! – вскричал почтальон.

Он вытаращил глаза, отпустил хвост Грифона и полетел, несомый ветром.

– Ошеломительная новость! – выкрикивал он. – Впервые! Только в нашем Королевстве! Неожиданное решение! Уникальный способ вернуть ароматы! Сенсация, сенса-а-а...

Его голос вскоре растворился в гуле голосов, подхвативших известие. Грифон поднялся ещё выше, в сияющую синеву, куда суетные крики не долетали. Он приближался к сверкающему дворцу с тонкими слюдяными башенками и узорными мостиками, словно сплетёнными из карамельных нитей. Ветер хозяйничал во дворце, влетая через балконы, врываясь в широкие окна, пролетая по анфиладам и арочным коридорам. На каждом подоконнике стояли цветочные горшки с фиалками, нарциссами и ландышами. А на смотровой площадке цвели пионы и розы. Грифон приземлился между ними и велел ждать, а сам улетел.

– Какие красивые цветы, – восхитилась Камилла.

Она наклонилась к пионам, но сразу погрузилась – цветы не источали привычного чудесного аромата. Они вообще не источали аромата. Никакого.

– Если я не отыщу Свой Путь, они так и останутся, без сладкого цветочного запаха, – с грустью сказала девочка.

Глава 47. Самое сложное задание

Берилликус и Агата были близнецами и Правителями Королевства. Они буквально влетели на площадку, обрушившись на Камиллу с вопросами:

– Ты хочешь вернуть благоухание нашим цветам? Ты окончательно решила? Не передумаешь? Ты уверена?

– Вообще-то я уже ни в чём не уверена, – призналась Камилла.

Агата уселась за столик, взмахнула платочком, и перед ней появилась печатная машинка.

– Не у-ве-ре-на... – продиктовала себе Агата, стуча по клавишам.

Берилликус спросил:

– А может быть, ты вообще не уверена, что цветам нужны ароматы?

– О, нет! Цветы без аромата – это так печально! – воскликнула Камилла.

– Пе-чаль-но... – застрочила Агата.

– Что ж, всё зависит от тебя, – сказал Берилликус. – Приступим к процедуре Определения Пути.

Камилла немного волновалась, но надеялась, что когда перед ней появится вереница дорог (как это было в Королевстве Опаловой Зари), она сумеет отыскать среди них свою серебристую тропинку.

Берилликус и Агата хором воскликнули:

– Кадуцей!

Крылатый золотой жезл, увенчанный круглым набалдашником с самоцветами и увитый двумя золотыми змейками, подлетел к Камилле. Она в страхе отдернула руку, и Кадуцей завис рядом, плавно взмахивая белыми крылышками. Змейки смущённо заморгали изумрудными глазами, а Агата мягко упрекнула Камиллу:

– Трусишка, эти змейки не кусаются. Кадуцей проявит дорогу, и ты сможешь выбрать Путь.

Тут Бернارد негодуяше вскричал:

– Не смейте называть моего друга трусихой! Она уже столько змей победила, ей не страшны никакие Кадуцеи! И потом, сколько можно? Да будет вам известно, Камилла уже выбрала дорогу, ещё в самом начале путешествия!

– В на-ча-ле... – простучала Агата, – выб-ра-ла...

Берилликус хохотнул и сказал:

– В самом начале выбирать легко! Думаешь только о приключениях и веселье. Вот когда встречаются настоящие опасности и неприятности, начинаешь жалеть, что не выбрал другую дорогу.

– Именно, – согласилась Агата, с осуждением глянув на медвежонка. – И незачем так кипятиться. Ведь только теперь, когда часть Пути пройдена, и вы знаете, каким простым он был, только теперь вы по-настоящему принимаете за него ответственность... или, наоборот, не отказываетесь принять.

Бернارد промолчал, а Камилла взяла Кадуцей и сказала:

– Я понимаю, о чём вы. Помнишь, Бернارد, как Негатив с Позитивом говорили? «Отбросив все сомнения»... Я думала, что выбирала Свой Путь в тот момент, а на самом деле настоящий выбор надо сделать сейчас, – сказала она близнецами и взялась за рукоять Кадуцея.

– Нас-то-я-щий... вы-бор... сей-час... – напечатала Агата, затем подняла глаза и мечтательно произнесла: – Наконец-то кто-то остановится и сделает уже этот выбор, а то все летают, как ракеты. Совсем нет времени вдуматься.

Берилликус хлопнул в ладоши, и Кадуцей вырвался из рук Камиллы, расправил крылышки и взвился ввысь. Затем ударил о землю, и перед девочкой вспыхнула и понеслась вдаль

единственная светлая дорога. Никаких пёстрых полос рядом, никакого выбора. Дорога петляла между холмами и скрывалась вдали.

– Так вот же он, мой Путь! – обрадовалась Камилла. – Мне не надо ничего выбирать!

– Верно, ты идёшь этой тропой, – подозрительно спокойно подтвердила Агата и спросила: – А что, если ты с самого начала сделала неверный выбор?

Берилликус добавил вкрадчиво:

– Может быть, твоё путешествие должно было пройти легко и беззаботно, без неприятностей и трудностей? И со змеями бороться не пришлось бы, а?

Камилла задумалась ненадолго и сказала:

– Но я мечтала попасть в сказку, а в сказках всегда бывают трудности, которые надо преодолевать... и опасности нередко встречаются. Поэтому я думаю, что спокойная дорога не для меня.

– Всё так, – согласилась Агата. – Но возможно, сказка была бы интереснее, веселее, добрее.

Золотой жезл подскочил, ударил о землю, и тропинка покрылась алмазно-изумрудной россыпью.

– Может быть, это твоя дорога? – спросил Берилликус.

Тропинка была великолепна. Путешествие по такой дороге обещало быть удивительным и красочным.

– Или вот эта? – спросила Агата, и жезл вновь ударил оземь.

Тропинка украсилась рубинами и сапфирами. Ах, и она тоже была очень красива!

– Или эта?! – грозно воскликнул Берилликус.

Кадуцей взлетел, опустился со стуком, и тропинка превратилась в золотую дорогу, усыпанную разноцветными самоцветами.

– Не эта?! – требовательно спросила Агата.

Кадуцей принялся колотить по тропинке, как отбойный молоток, дорога быстро сменяла окрас. Перламутровый путь, путь из мягких радуг, малахитово-бирюзовая тропа, дорога из мыльных пузырей, мягкая дорога из цветов, тёплая янтарная, сладкая мармеладная, ароматная шоколадная...

– Так эта?! – выкрикивали близнецы. – Или эта?!

У Камиллы мелькало перед глазами, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Радужная, хрустальная, дорога из облаков, из маленьких часиков, из серебряных камушков, из пёстрых бусинок...

– Хватит! – вдруг вскричала девочка.

Кадуцей замер в воздухе, неторопливо махая крылышками, Близнецы замолчали, а тропка потухла, превратившись в невзрачную пыльную дорогу.

– У меня уже есть свой собственный Путь, – твёрдо сказала девочка. – Тот, который привёл меня сюда. И каким бы он ни был, это МОЙ Путь и МОЯ Дорога!

Агата, прищурившись, спросила:

– Но что, если ты ошиблась?

– Если я ошиблась, – ответила Камилла, – значит это МОЯ ошибка, и она – часть Моего Пути!

– Ах, – театрально вздохнула Агата. – Разве ты не будешь сожалеть об ошибках? Разве не станешь казниться? Деточка, это же немыслимо! Некоторые люди за всю жизнь не могут простить себе даже пустяшную ошибочку! И мучаются, страдают, терзаются...

Берилликус добавил негромко:

– Хотя другие с лёгкостью прощают себе даже непростительное.

Камилла задумалась. Кадуцей покачивался над дорогой, плавно взмахивая крыльями в ожидании решения. Близнецы смотрели на девочку пронзительными взглядами. Лишь Бернارد глядел с таким доверием и сочувствием, что Камилла вдруг поняла:

– Если я принимаю на себя ответственность за свои решения, то я смогу себе простить ошибку. Ведь я не собираюсь повторять её вновь и вновь.

– Примешь ответственность? – мягко поинтересовалась Агата. – Сможешь простить... Это твоё решение?

– Да, – уверенно кивнула девочка. – Это Моё решение.

Вдруг по тропе вдаль пробежал огненный всполох, и дорога озарилась знакомым опаловым сиянием. Путь Камиллы не просто серебрился, а сверкал победным заревом. Она услышала Мелодию своего Пути, которая звучала празднично и смело. Берилликус и Агата захлопали в ладоши.

– Всё правильно! – воскликнул Берилликус. – Так и сказано в Девятом Законе Мерцающих Путей: Не дорога определяет, каким будет путешествие, а твоё решение определяет, каким будет Путь. Твой Путь зависит только от тебя.

– Ответственность и ре-ше-ни-е... – допечатала Агата, и лист вылетел из печатной машинки, сложился самолётиком и взлетел вверх.

Буквы на его крыльях слились в большое чёрное пятнышко, и самолётик обернулся бело-грудой ласточкой.

– Фьють! Фьють! – пропела Ласточка. – Путь! Путь!

Слова вылетели из её клюва и застыли в воздухе, цепляясь друг за дружку причудливыми хвостиками-завитками, а затем – Дзынь! – превратились в ключик с двумя изумрудными камушками и золотыми завитушками. Ласточка подхватила его клювиком и принесла на ладонь Камилле.

В этот момент по Королевству пронеслась волна душистых цветочных ароматов. Нарциссы, ландыши, пионы, розы – их чарующее благоухание разлилось над садами, наполняя каждый бутон. Все жители королевства, которые шагали по земле в тот миг, остановились, даже дельтапланы немного замедлили свой полёт.

Бернارد перебежал от цветка к цветку и жадно втягивал ароматы носом.

– А я, признаться, думал, что это пустяки, – приговаривал он. – Ну, разве же это пустяки? Ах, как пахнут ландыши! А пионы! А-а-а-ах...

Камилла тоже прильнула к цветам и мечтательно заметила:

– Как чудесно звучат ароматы... как чудесно...

Вот так к цветам вернулось сказочное благоухание, а к жителям королевства – их привычное литературное чутьё. Конечно, новости и сплетни ещё не скоро разбежались по своим местам, но прежней суматохи и кутерьмы больше не было. Самое главное, что вовсе пропала клевета, только её и видели! А уж с правдивыми новостями разобраться всегда можно.

Был ещё один цветок в Стране Мерцающих Путей, который стал в этот миг прекрасней. Один из его лепестков, скомканный и сухой, расправился и налился светом. Его матушка, Стихия Воздуха, не могла налюбоваться своими ожившими детками – двумя чудными лепестками. Только третий малыш ещё оставался слабым и безжизненным. Но Стихия Воздуха не теряла надежды.

Глава 48. Чудесный источник и волшебный челнок

На Страну Мерцающих Путей опускался вечер, и Берилликус с Агатой предложили девочке переночевать в их дворце, но Камилле не терпелось отправиться дальше.

– Я совсем не устала, – заверила она, прощаясь с близнецами. – И потом, мне так хочется узнать, что ждёт меня дальше на Моём Пути. Мне теперь просто не уснуть! Чувство волшебного подсказывает, что это ещё не все чудеса.

Сказочная интуиция не подвела Камиллу и, как только она отправилась по Пути, в воздухе зазвучала песня. Шумное многоголосье Королевства слилось в стройное мелодичное созвучие, а слова в песне были такие:

– Над королевством воздух свеж, прозрачен, чист,
Он полон радужных надежд, и ветер здесь речист.
Несёт потоки новостей со всех концов.
Услышать, выслушать, принять всегда готов,
Пересказать, переписать, дать слухам кров.
Ах, этот ветер озорник! Ах, многослов!
Но есть иная ипостась у Близнецов:
Смесь ароматов создавать,
По миру с ветром рассыпать,
Цветы нежнейшим награждать благоуханьем,
Весь мир прекрасным наполнять,
живым дыханьем.

Песенка сменилась Увертюрой Заката. Путь утопал в густых красках, теряясь в оранжевых, лиловых и зелёных полосах, которые прочерчивали небо. Камилла шагала с чувством светлой радости. Никогда прежде она не ощущала природу так чутко. Она слушала величавое Пение Заката, плавно переходящее в Ночную Элегию, вдыхала свежие ароматы скромных, но таких искренних полевых цветов. Ей казалось, что она понимает, о чём говорит ветер, шелестя листочками кипарисов и заигрывая с огненными лучами заходящего солнца. Она слышала, как журчит в ручейке вода, ласково перешёптываясь с гладкими камешками на дне. А как поют Месяц и первая вечерняя звёздочка рядом с ним!

Вот только она немного устала. Шутка ли сказать – весь день в пути. И какой долгий получился день! Чего только ни произошло сегодня. Она побывала и в горах, и в подземелье, и в облаках летала, и по морскому дну ходила, и даже шла по несуществующему мостику... Неужели может случиться что-то ещё более удивительное и волшебное?

Её мысли прервала яркая молния, полыхнувшая впереди. Она ударила по дороге, и Путь раскололся пополам, на две узенькие тропки. Из развилки забил родник. Он побежал вдаль светлым ручейком, постепенно разливаясь в широкую спокойную реку.

– По какому же берегу нам идти? – огорчённо вздохнула Камилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.